

Глава 3

Освобождение

— Не испытывай моё терпение.

Дознаватель с нескрываемым раздражением попинывал юношу носком сапога. На бледной щеке арестанта быстро расплывался грязно-серый след от подмётки.

— Если не хочешь мучиться, выкладывай всё, что знаешь о «Розе Бездны»!

Линь Уцзю лежал на полу, тщетно пытаясь прикрыть живот скованными руками. Он не сопротивлялся, позволяя грубому носку сапога вновь и вновь вжимать его лицо в грязные плиты, и лишь едва слышно втягивал воздух сквозь зубы.

Всё шло по плану, но всё же было чертовски больно.

Этот офицер оказался тёртым калачом: он бил только туда, где синяки скроет одежда, тщательно обходя жизненно важные органы. Каждый удар был выверен — достаточно сильный, чтобы причинить муку, но недостаточно мощный, чтобы несчастный потерял сознание. Если сейчас раздеть Лэнса, его тело наверняка будет представлять собой сплошное месиво из багровых и фиолетовых кровоподтёков.

Прошлое словно оживало наяву.

Линь Уцзю прикрыл глаза, пряча за веками бурю бушующих эмоций.

«Наконец-то... Цель достигнута. Идея подтвердилась»

Когда мужчина уже начал терять остатки выдержки, он внезапно услышал хриплый смех. Звук был прерывистым и грубым, словно трение камня о наждак. Темноволосый юноша, свернувшийся клубком на полу, продолжал смеяться, бормоча что-то невнятное:

— Если ты сейчас не вмешаешься... меня просто забьют до смерти.

— Ты ещё смеёшься?! — Дознаватель не разобрал слов, но сам факт веселья привёл его в ярость. Откинув остатки жалости, он наступил тяжёлым кованым сапогом прямо на лицо парня. Одного резкого движения — даже без специальных пыточных приспособлений — хватило бы, чтобы юноша захлебнулся собственной кровью.

Но инквизитор не завершил движение. Его остановила не внезапная вспышка милосердия, а

ледяной холод, резко полоснувший по позвоночнику.

«Что... что это за чертовщина?»

— Господин дознаватель, вы знали? — Голос парня под подошвой зазвучал тихо, почти нежно, словно вздох: — У Джека... растут рога чёрного козла.

Кожа на затылке мужчины онемела. Почудилось, будто ядовитая змея скользит вверх по его спине, едва касаясь шеи раздвоенным языком. Он резко отдернул ногу, развернулся и выхватил палаш, с безумным видом озираясь по сторонам.

Газовая лампа горела ровным, спокойным светом. На стене плясала лишь его собственная искажённая тень с мечом в руке.

Никого.

Однако инстинкты, закалённые в сотнях стычек, вопили о смертельной опасности. Нечто невидимое, запредельное и бесконечно злое затаилось прямо здесь, в допросной, посылая ему безмолвный смертный приговор.

— Кто такой... Джек? — Он с ужасом осознал, что его собственный голос превратился в хриплое карканье.

В тишине ему почудился звонкий, почти детский смешок.

— Трезвитесь, бодрствуйте... — Сдавленный голос Лэнса доносился со спины, словно могильный туман, медленно окутывая его тело и высасывая последние капли человеческого тепла. — Потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить. Противостойте ему твёрдою верою.

Дьявол... Ну конечно! Это дьявольские козни!

— Дьявол, выходи! Покажись! — вскричал дознаватель, пытаясь скрыть за бравадой парализующий страх. — Я не боюсь тебя! Выходи, мразь!

Он вцепился в рукоять палаша обеими руками, выставив его перед собой как щит, и зарычал, пытаясь отогнать наваждение. И тут он почувствовал запах.

Тяжёлый дух крови и смрад разложения заполнили комнату. В одно мгновение он осознал: так пахнет сама преисподняя. Это был запах Левиафана, сошедшего со страниц запретных гримуаров.

Лэнс медленно поднялся с пола. С кошачьей грацией он дошёл до стула и сел к офицеру спиной. В его голосе зазвучала лукавая весёлость:

— И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нём всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним.

Последние слова он почти пропел, словно строки из изысканной поэмы.

Глаза дознавателя расширились. Ледяной холод проник в самые недра его существа, кровь в жилах словно превратилась в застывший иней. Он замер, превратившись в безжизненное изваяние.

Когда дверь распахнулась и в комнату вошёл светловолосый рыцарь, он застал весьма причудливую картину. Лэнс Кавендиш, объект допроса, вальяжно развалился на стуле, а дознаватель с обнажённым мечом застыл позади него — смертельно бледный и трясущийся от ужаса.

— Хэнк! — Капитан Картер окликнул подчинённого по имени. — Что ты здесь устроил?

Этот окрик сработал как заклинание. Дознаватель Хэнк, обливаясь потом, словно после лихорадки, отшатнулся и бросился к капитану.

— Спасите меня! Спасите! Дьявол! Он здесь, он выбрал меня своей жертвой!

— Что за чушь? — Картер посмотрел на дрожащего мужчину, который испуганно озирался по сторонам. — Ты бредишь наяву? Это Бюро по расследованию ереси, святая обитель. Откуда здесь взяться дьяволу?

Рассудок начал медленно возвращаться к Хэнку. Действительно, они в святилище Господа. Всем известно, что Бог Солнца — каратель для любого нечестивого отродья. Дьявол рассыпался бы в прах, едва переступив порог этого здания.

— Но... но я чувствовал это... — заикаясь, пытался оправдаться он. — Жажду крови... и этот ледяной холод...

— Господин рыцарь, — Линь Уцзю лениво покачивался на стуле, растягивая слова в нарочитой манере, — мне так страшно. Кто бы мог подумать, что господин дознаватель окажется душевнобольным психопатом. Могу ли я просить о смене следователя?

Картер лишь тяжело вздохнул.

«Кто бы говорил о безумии! Как будто ты сам в своём уме»

— Хэнк, приди в себя, — холодно отрезал Картер. — Если это повторится, мне придётся отправить тебя в лечебницу.

Юный арестант, явно наслаждаясь хаосом, снова вставил свои пять копеек:

— При таком диагнозе я бы рекомендовал кровопускание. Трижды в день по большой чаше. Гарантирую, через три дня больной будет как новенький.

Картер бросил на помощника тяжёлый взгляд:

— Хэнк, что скажешь?

Дознаватель уже окончательно пришёл в чувство. Его лицо, ещё минуту назад белое как полотно, теперь залила краска стыда и ярости. Он метнул на темноволосого юношу исполненный ненависти взгляд и понуро опустил голову.

— Прошу прощения, сэр...

Теперь, когда морок рассеялся, воспоминания о случившемся стали тусклыми и неясными. Он не мог понять, как это произошло, и не помнил деталей. Кажется, Лэнс что-то говорил... но слова растворились в памяти, как капли воды в океане. Даже тот ужасающий холод теперь казался лишь мимолётной фантазией.

«Почему я так испугался?»

Он потёр лоб и пробормотал:

— Наверное, я просто не выспался.

— В таком случае, иди отдыхай, — распорядился Картер. — Я сам продолжу допрос.

— Нет! Позвольте мне остаться! — воскликнул Хэнк. Позор был слишком велик, он жаждал реванша.

— Хорошо. Будешь вести протокол.

Картер сел за стол, впериw холодный взгляд серых глаз в свою добычу. Линь Уцзю сидел с самым безмятежным видом. На этот раз он отбросил прежнюю скрытность и заговорил первым:

— О чём вы хотите меня спросить, господин рыцарь?

Его теория подтвердилась. Больше не было смысла тянуть время в этом подвале. Пора было заканчивать игру.

Картер смотрел на юношу со смешанным чувством тревоги и любопытства. Перед ним сидел опасный противник. И его сила заключалась не в мышцах, а в пере, способном разжигать пожары в умах. В умелых руках это оружие было страшнее целой армии.

Каждый рыцарь-каратель обладал стальной волей, и Картер считал себя одним из лучших. Он никогда не сомневался в своей преданности Господу и не испытывал пустой жалости к еретикам. Он поднялся по карьерной лестнице лишь потому, что отправил на тот свет достаточное количество вероотступников.

Разумеется, Лэнс Кавендиш не мог быть невиновным. Одних обвинений служанки хватило бы для смертного приговора. А если добавить к этому мать-сектантку... Разве мог он остаться чистым в такой среде?

Но железная воля Картера дала трещину из-за этой тонкой пачки исписанных листов. Он ловил себя на мысли, что ищет оправдания для Лэнса.

«Может быть, это ошибка? Сострадание автора к Джеку настолько искренне, что трудно поверить, будто этот человек — хладнокровный убийца-фанатик»

— Капитан? — Хэнк с недоумением смотрел на замолчавшего начальника.

Картер встряхнулся. Тот сектант покончил с собой прямо перед арестом, выпустив себе кишки, и нить оборвалась. Лэнс Кавендиш оставался единственной зацепкой.

«Очнись, Картер! Это дьявольское искушение! Может, он вообще не сам это написал?»

— У меня действительно есть к тебе вопрос, — Картер пристально посмотрел юноше в глаза. — Кто настоящий автор «Мести Джека»?

Хэнк опешил. Линь Уцзю тоже на мгновение замер. Даже он не ожидал, что рыцарь спросит о чём-то подобном. Он подался вперёд, и в его глазах вспыхнул азартный огонёк.

— Вы прочитали её? Ну и как вам? Понравилось?

Живой читатель! Первый в его новой жизни!

В психиатрической клинике не давали ручек — после того как один пациент вскрыл себе сонную артерию стальным пером, любые пишущие предметы стали контрабандой. Ему отказывали даже в компьютере. Поэтому он привык шлифовать свои сюжеты в голове, а

единственными его слушателями были деревья за окном. Он жаждал узнать мнение живого человека.

Картер поколебался, но честно ответил:

— Должен признать, я никогда не читал ничего подобного. Не скажу, что это было весело. Мне было бесконечно жаль Джека.

Линь Уцзю удовлетворённо улыбнулся:

— Значит, история удалась. Спасибо за отзыв.

Теперь Картер казался ему куда более симпатичным. Хоть и солдафон, но со вкусом.

— Так ты утверждаешь, что автор — ты?! — воскликнул капитан, не в силах сдержаться. — Нет, это невозможно! Ты лжёшь! Наверняка ты где-то это украл!

Улыбка мгновенно исчезла с лица юноши.

«Забираю свои слова обратно. Этот парень — безнадёжный мусор»

Его терпение окончательно иссякло. По расчётам, тот человек уже должен был получить письмо и явиться.

— Я невиновен.

Глаза юноши стали холодными и безжизненными. Уголки губ приподнялись в безупречной, словно по линейке выверенной улыбке. В широкой, висящей мешком рубашке, с проступающими ключицами, он выглядел болезненно истощённым.

— Вы смогли поймать тех людей только потому, что я прислал анонимный донос. Мне плевать на секту Мэри. Я просто случайно подслушал её разговор с домашним врачом, Карлом. Они планировали её смерть, чтобы потом вернуть её к жизни с помощью Чёрной мессы.

Он добавил с притворным простодушием:

— Вы всё неверно поняли. Я — законопослушный и доблестный гражданин, совершивший акт гражданского мужества.

Хэнк ударил кулаком по столу:

— Хватит нести эту чушь! Ты думаешь, мы поверим в эту жалкую ложь? Тебе просто не хватало хорошей зуботычины —

В этот момент дверь снова распахнулась, и в комнату вошёл седовласый старик. Его примечательный широкий подбородок и золотистый шёлковый тюрбан сразу бросались в глаза. Он был облачён в белую сутану прокурора, расшитую золотыми письменами, а на груди сияла эмблема Бога Солнца.

Картер и Хэнк мгновенно вскочили и преклонили колени:

— Приветствуем ваше превосходительство, Прокурор Святой Энтони!

Прокурор был третьим лицом в иерархии Бюро, уступая лишь Великому инквизитору и Главному судье. В его ведении находились следственные действия, борьба со слухами и допросы ключевых свидетелей. Картер, при всём своём авторитете, был для Энтони лишь мелким исполнителем.

Энтони перевёл взгляд на темноволосого юношу, сидевшего неподвижно, и мягко спросил:

— Ты и есть Лэнс?

Улыбка Линь Уцзю стала шире. Его губы имели нездоровый синеватый оттенок, а бледная кожа подчёркивала бездонную черноту глаз.

— Как же вы долго, — он проигнорировал изучающий взгляд прокурора и кивнул на его тюрбан. — Жёлтый цвет — это пошло. Не думали сменить его на зелёный?

Энтони на мгновение опешил от этой наглой бессмыслицы, но решил не обращать внимания на бред безумца.

— Я пришёл, как только получил твоё письмо, дитя. Ты натерпелся горя. — Он повернулся к подчинённым: — Немедленно снимите с него наручники!

Энтони видел недоумение на лицах рыцарей. Устав Бюро гласил: лучше казнить тысячу невинных, чем упустить одного еретика. Будь Лэнс Кавендиш трижды невиновен, он — всего лишь сирота без связей, чья смерть ничего не стоит. Прокурор пришёл освободить его вовсе не из чувства справедливости. Его шантажировали.

Шантажистом был этот бледный, болезненный мальчишка.

Утром Энтони получил письмо от Лэнса Кавендиша. В нём юноша сообщал, что именно он был автором доноса, и что он поручил доверенному лицу отправить письма во все крупные газеты,

если его не освободят в течение недели. В этих письмах подробно излагалось, как Бюро по расследованию ереси «благодарит» граждан за помощь, убивая тех, кто рискнул жизнью ради искоренения нечестивых культов.

Десять лет назад Энтони лишь посмеялся бы над такой угрозой. Но времена изменились. Общество и так косо смотрело на Бюро, а парламент продвигал новый закон, ограничивающий их власть. Письмо Лэнса Кавендиша могло стать идеальным поводом для очередной атаки на Орден. Прокурору пришлось наступить на горло собственной гордости.

В душе он проклинал оперативников, которые приволокли этого «святошу» в подвалы, заставив его теперь выгребать за ними грязь.

Раздался сухой щелчок, и кандалы упали на пол. Линь Уцзю размял затёкшие запястья. Поднимаясь, он невольно поморщился от боли в животе. Энтони, как опытный следователь, прекрасно понимал, что под одеждой мальчишки нет живого места.

Он сделал вид, что ничего не заметил, и произнёс елейным тоном:

— Благодарим за содействие. Благодаря вашему доносу мы спасли того несчастного мальчика и нанесли сокрушительный удар по преступности. Вы свободны и можете идти.

Хэнк стоял, разинув рот от столь стремительного поворота сюжета. Юнец не лгал! Мысль о том, что он только что избивал ценного информатора, заставила мужчину похолодеть. А что, если этот малый пожалуется Энтони?

Темноволосый юноша слегка повернул голову и одарил его улыбкой. Хэнк напрягся.

«Точно, сейчас заложит!»

Но юноша лишь презрительно скривил губы. Хэнк почти физически ощутил исходящую от него волну брезгливости.

— Какая скука, — Лэнс опустил взгляд, теряя всякий интерес к происходящему. — Невыносимо... Концентрация идиотов в этом месте превышает все допустимые нормы. Ещё минута — и меня стошнит.

Зевнув, он направился к выходу с такой вызывающей наглостью, будто в комнате не было ни могущественного прокурора, ни рыцарей. Он даже не удостоил их прощальным взглядом. Никаких требований извинений или компенсаций — он просто ушёл.

Хэнк сначала не поверил своему счастью, а затем расплылся в самодовольной улыбке.

«Ха, зря я волновался. Обычный простолюдин. Получил свободу — и то хлеб, куда ему тягаться с рыцарем-карателем. Даже если бы он пикнул, его превосходительство всё равно принял бы мою сторону»

Картер же остался в смятении. Но в глубине души он почувствовал облегчение. Раз прокурор так сказал — значит, Лэнс чист.

«Месть Джека» только началась... Было бы преступлением казнить такого автора. Он искренне надеялся, что роман будет закончен и опубликован. Если Лэнс удержит планку первых страниц, это будет эпохальное произведение. Этот безвестный юноша когда-нибудь станет великим писателем.

Линь Уцзю неспешно перешёл дорогу и остановился, созерцая величественный ансамбль зданий за спиной.

Вопреки расхожему мнению, Бюро по расследованию ереси не было мрачным и уединённым местом. Это был грандиозный архитектурный комплекс из садов, фонтанов и готических шпилей. Сердце Бюро — трибунал — сохраняло суровый стиль XIII века. Рыцари в белых плащах сновали под золотым куполом, символизирующим величие Бога Солнца.

Пять лет назад, когда действовал старый закон, здесь ежедневно казнили сотни людей без суда и следствия. Крики мучеников не утихали ни на миг. Теперь же это был центр деловой жизни — слева от храма раскинулся финансовый Сити, и каждое утро сотни тысяч клерков проходили мимо этих стен по пути на службу.

Заходящее солнце окрасило город в багрянец. В лучах заката здания казались полупрозрачными, а оранжевый свет мёдом растекался по мостовой.

Линь Уцзю стоял под фонарным столбом, наблюдая за выходящим из ворот дознавателем Хэнком. Тот так и лучился самодовольством. Заметив юношу, рыцарь победно ухмыльнулся и, вальяжно зашагав через дорогу, направился прямо к нему.

Возможно, он хотел в последний раз унижить парня. Возможно — похвалиться своей безнаказанностью. А может, просто хотел бросить какое-нибудь колкое слово на прощание. Шанс на то, что он идёт извиняться, был прискорбно мал.

К несчастью, мужчина совершенно не смотрел под ноги. Его сапог угодил в глубокую выбоину, рыцарь потерял равновесие и рухнул на дорогу.

Это было вполне закономерно. Мостовые, мощёные щебнем, всегда были в ужасном состоянии. Линь Уцзю помнил, как бился головой о крышу кареты, пока его везли сюда.

— С дороги! Берегись! Стой! — закричал возница тяжёлого фургона. Он не ожидал, что кто-то внезапно свалится прямо под колёса. Несмотря на все усилия и натянутые поводья, испуганные кони в панике ударили копытами дознавателя прямо в висок и без труда пронесли по его телу.

Проскочив ещё десяток метров, возница сумел остановить лошадей. Дрожа от ужаса, он оглянулся. На дороге лежало изуродованное тело.

Мужчина лежал на спине, его череп был проломлен, а из раны хлестала кровь. Глубокие раны покрывали всё тело, и под ним быстро росла багровая лужа.

— Боже милостивый!

Кучер соскочил с козел и подбежал к пострадавшему. Он замер в оцепенении, встретившись взглядом с застывшими, полными ужаса глазами мертвеца, и принялся бессвязно лепетать оправдания:

— Клянусь светом, я не хотел! Он сам выскочил... Господи, кто же мог знать?

Холодный, спокойный голос внезапно раздался над его ухом:

— Здесь ежедневно проходят сотни тысяч людей. Подобные несчастные случаи на дорогах происходят каждую неделю. Это вполне естественно.

Потерянный кучер невольно закивал, словно нашёл в этих словах опору. Он посмотрел на говорящего. Перед ним стоял темноволосый юноша в грязной одежде. Выглядел он жалко, но в его тонких чертах и бледной коже угадывалось благородство хрупкого аристократа.

— Да, верно! Вы ведь видели! Это не моя вина! Он сам бросился под копыта!

— Верно. Ему просто не повезло, — улыбнулся Линь Уцзю.

Он повернулся и медленно растворился в толпе, уходя прочь от величественного Бюро. Никто не заметил странной, пугающей улыбки на его лице, и никто не услышал его шёпота:

— Я ведь говорил ему: смерть скачет на коне. Почему он не поверил?

В лучах заходящего солнца тень юноши причудливо вытянулась и исказилась. Он слегка повернул голову, глядя на свой силуэт, рядом с которым стоял мальчик.

Этот мальчик всегда стоял рядом.

Две недели назад, в полночь, когда Линь Уцзю выбрался из своего гроба, в густой, удушливой тьме внезапно вспыхнули два золотистых огня. Плающее, яростное пламя заворожённо взирало на него. В самом центре каждого огненного круга проступала тонкая чёрная вертикаль зрачка — острая, как Дамоклов меч, знаменующий высшую власть и силу.

Когда глаза юноши привыкли к темноте, он разглядел существо. Это было не пламя, а глаза — обжигающие, как угли, и холодные, как у рептилии. Их обладатель, мальчик, сидел на теле другого мёртвого ребёнка и напевал весёлую, но бесконечно жуткую песенку.

На вид ему было лет восемь-девять. На нём была удобная коричневая куртка из плотного вельвета и тёмно-синие холщовые брюки. Соломенная шляпа на шнурке болталась за спиной — типичный образ мальчишки с фермы. Но из копны рыжих волос торчали два жутких рога чёрного козла, которые вместе с невероятными глазами выдавали в нём монстра.

Сначала Линь Уцзю принял его за очередную галлюцинацию и именно поэтому отправился в Бюро — чтобы найти доказательства своей реальности. И смерть того рыцаря стала неопровержимым свидетельством: Джек существует.

Демон мог беспрепятственно разгуливать в самом сердце Бюро по расследованию ереси. Был ли он столь могуществен, или Инквизиция — столь беспомощна? Как бы то ни было, Линь Уцзю не мог от него избавиться.

— Будь проворным, Джек,

Джек, будь быстрым,

Джек, прыгай скорее

Через подсвечник...

Маленький монстр вприпрыжку следовал за ним, повторяя эти строки снова и снова, без конца и пауз.

— Джек, — в пустынном переулке Линь Уцзю обернулся и негромко позвал его по имени.

Песня оборвалась. Мальчик-чудовище уставился на него с пугающей сосредоточенностью. В его золотисто-жёлтых вертикальных зрачках кипела ярость, жестокость и ненависть — ни капли человеческого тепла.

— Ты ведь жаждешь моей смерти, — небрежно бросил Линь Уцзю. — Зачем тогда спас меня?

Мальчик, которого правильнее было бы назвать дьяволом, растянул алые губы в широкой

ухмылке и хихикнул:

— Джеку нравится твоя история. Джек хочет, чтобы его имя знали все.

Линь Уцзю искренне рассмеялся, и на его бледных щеках проступил едва заметный румянец.

— Тебе тоже понравилась моя сказка? — Он выглядел по-настоящему довольным. — Что ж, я и впрямь написал нечто стоящее.

Дьявол взмахнул невидимыми крыльями и завис в воздухе напротив юноши. Его змеиные глаза затуманились, и отражение Линь Уцзю в них исказилось. Существо осторожно обхватило ладонями худое, холодное лицо парня. Длинные когти слегка впились в кожу, и голос дьявола прозвучал сладко, как патока:

— Постарайся ради меня стать великим писателем. Если не справишься — Джек тебя съест.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом. В переулке один за другим вспыхнули газовые фонари, послышалось стрекотание сверчков. Наступала мирная ночь.

Линь Уцзю молча смотрел в глаза дьяволу. Его сердце билось в груди часто и сильно. Оно было живым.

Спустя долгое время он оскалился в коротком, подавленном смешке.

— Я собирался покончить с собой в двадцать пять.

Он перевёл взгляд на бескрайнее ночное небо. Плотный смог скрывал свет звёзд, но сквозь пелену проглядывали три багровые луны, похожие на немигающие инопланетные очи.

— Пожалуй, стоит пожить подольше.

В призрачном свете лун темноволосый юноша улыбнулся — невинно и чисто, как ребёнок. Галлюцинация это или иная реальность — для него не имело значения.

— Я хочу писать. Писать захватывающие истории до самого конца.

Значит, пора поставить первую цель. Опубликовать «Мечь Джека».